

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ

Повесть о Ходже Насреддине

Леонид Соловьев

Очарованный принц

«ФТМ»

1954

Соловьев Л. В.

Очарованный принц / Л. В. Соловьев — «ФТМ»,
1954 — (Повесть о Ходже Насреддине)

«Очарованный принц» – это продолжение полюбившейся читателям всех возрастов книги о мудро и остроумно Ходже Насреддине. Она рассказывает о приключениях героя в горах Ферганы и в Коканде. Насреддин по-прежнему верен себе: он борется со злом, помогает слабым и беззащитным, восстанавливает справедливость. Из беззаботного весельчака наш герой превратился в умудренного житейским опытом философа, который умеет высмеять глупость и всегда придумает дерзкий и хитроумный план, чтобы наказать жадность и порок.

© Соловьев Л. В., 1954

© ФТМ, 1954

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Глава пятая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леонид Васильевич Соловьев

Очарованный принц

Много странствовал я в разных краях земли; я побывал в гостях у многих народов и срывал по колоску с каждой нивы, ибо лучше ходить босиком, чем в тесной обуви, лучше терпеть все невзгоды пути, чем сидеть дома... И еще скажу: на каждую новую весну нужно выбирать и новую любовь: друг, прошлогодний календарь не годится сегодня!..

Саади

Ученые мудрецы минувших веков оставили в наследство миру множество книг, дабы факелом своих знаний освещать нам, живущим сейчас, извилистые и опасные пути нашей жизни. В этих книгах можно прочесть обо всем: о войнах и землетрясениях, о чудесах и пророчествах; каждая страница украшена именами шейхов, калифов, непобедимых воинов и прочих прославленных мужей земли; об одном только человеке ничего, ни единого слова, не сказано в этих книгах – о Ходже Насреддине, хотя и был он знаменит на весь мир. Подобное упущение со стороны мудрецов не удивляет нас. В те далекие годы нередко случалось, что иной мудрец сеял в своей книге семена богатства и почета, но пожинал – увы! – одни только неисчислимы бедствия. По этой причине мудрецы были крайне осторожны в словах и мыслях, что видно из примера благочестивейшего Мухаммеда Расуля-ибн-Мансура: переселившись в Дамаск, он приступил к сочинению книги «Сокровище добродетельных» и уже дошел до жизнеописания многогрешного визиря Абу-Исхака, когда вдруг узнал, что дамаский градоправитель – прямой потомок этого визиря по материнской линии. «Да будет благословен аллах, вовремя ниспославший мне эту весть!» – воскликнул мудрец, тут же отсчитал десять чистых страниц и на каждой написал только: «Во избежание», – после чего сразу перешел к истории другого визиря, могущественные потомки которого проживали далеко от Дамаска. Благодаря такой дальновидности указанный мудрец прожил в Дамаске без потрясений еще много лет и даже сумел умереть своей смертью, не будучи вынужденным вступить на загробный мост, неся перед собою в руке собственную голову наподобие фонаря.

Книги молчат о Ходже Насреддине. Тяжелый камень запрета лежал в те годы на его имени. Так повелели могущественные властелины – калифы, султаны и шахи, в надежде отомстить ему хотя бы в последующих веках, лишив его посмертной славы. Но спросим: удалось ли им достичь своей цели? Старая история, одна и та же во все времена, – сказано об этом у Сельмана Саведжи: «Достойный прославится, хотя бы все вихри объединились против него!»

Ибо есть одна книга, над которой не властны калифы: память народа. В этой великой книге и обрел Ходжа Насреддин свое бессмертие.

Есть в городе Ходженте, на берегу Сыр-Дарьи, обширный пустырь, где никто не селится и не разводит садов, потому что река в этом месте поворачивает, бьет под берег и ежегодно смывает его на три-четыре локтя. Река смыла пустырь уже до половины и вплотную подошла к могучему карагачу, одиноко растущему здесь, обнажив с одной стороны его узловатые грубые корни, сбегаящие по глинистому обрыву к воде. Открытый солнцу, в изобилии снабженный влагой, карагач раскинулся широко и зеленеет густо, затмевая пышностью соседние деревья, что жалкой кучкой сбились в отдалении, у пыльной большой дороги. Томимые жаждой, палимые зноем, они слабо шелестят хилой, изможденной листвой и, подобно многим ничтожным людям, злобно завидуют счастливому гордецу. «Ничего, – думают они, – река еще подмоет берег, на котором он держится, и, потеряв опору, он рухнет и уплывет по течению, чтобы сгнить бесславно где-нибудь на песчаной отмели. А мы будем стоять здесь по-прежнему, воссылая благодарность судьбе, взрастившей нас вдали от реки; пусть некрасива наша редкая листва, бессильная укрыть путника прохладной тенью, пусть осыпает нас горячая пыль с дороги, а

наши корни теснит сухая и жесткая почва, – мы довольны и не хотим иной участи, ибо стремления порождают опасности, чему примером – гордый карагач!»

Они ошибаются: карагач не рухнет в реку и не уплывет по течению. Вода смывает лишь все мелкое, хилое вокруг него, но не преодолевает его могучего корня, ушедшего в землю глубоко, под самое дно. Карагач удержится на берегу, и та же река, что подмывала его, нанесет плодородного ила к нему, и он, укрепив собою берег, будет зеленеть еще долго, все шире раскидывая свою могучую литую крону, в то время как те, стоявшие в отдалении, уже отдадут свою жалкую жизнь огню в очагах... И даже когда облезет вся его кора, высохнет древесина и прекратится движение соков в стволе, его не срубят и не распилят на дрова, а обнесут красивой оградой и будут показывать заехавшему в Ходжент путнику, говоря: «Вот карагач, посаженный и возвращенный самим Ходжой Насреддином!»

И еще узнает путник, что населенная лепешечниками ходжентская слобода Раззок (что значит «Податель насущного хлеба») имеет в народе второе название: слобода Ходжи Насреддина, потому что именно здесь, по преданию, стоял в минувшие времена его дом. Ходжентцы расскажут путнику, что в горах, по дороге в Ашт, есть озеро Ходжи Насреддина; на берегу его расположено маленькое селение Чорак; в этом селении есть чайхана Ходжи Насреддина, а в чайхане под крышей живут воробьи Ходжи Насреддина – потомки одного знаменитого воробья, о котором речь впереди. Там же есть пещера со странным названием: «Обиталище благочестивого вора», есть арык Ходжи Насреддина, мостик Ходжи Насреддина, – словом, все дышит здесь его памятью, как будто он уехал отсюда на своем ишаке только вчера.

Облачившись в халат усердия и вооружившись посохом терпения, мы посетили все эти места. Мы ночевали под многими кровлями, грелись у многих костров, беседовали о Ходже Насреддине со многими людьми; судьба благоприятствовала нам в поисках, – и вот сегодня мы открываем еще одну страницу его жизни и говорим вслед за мудрейшим Ибн-Туфейлем: «Да послужит эта история поучением тому, кто имеет сердце, или кто внимает и видит...»

Часть первая

После этого купец с женой отправились в дальний путь. Они ехали долго, пересекая горы и степи, моря и пустыни, в полуденный зной и на заре; аллах сохранил их в пути, и на тринадцатый день они достигли города Басры...
«Тысяча и одна ночь»

Глава первая

Покинув Бухару, Ходжа Насреддин со своей женой Гюльджан направился сначала в Стамбул, а оттуда к арабам. Он возмутил спокойствие поочередно в Багдаде, Медине, Бейруте и Басре, привел в небывалое смятение Дамаск, потом завернул мимоходом в Каир, где на короткое время занял должность главного каирского судьи. Кого и как он судил – мы не знаем; достоверно известно только одно – что потом Ходжу Насреддина искали и ловили по всему Египту целых два года. Он же был в это время далеко – в иных землях, на иных дорогах.

Вечный бродяга, он нигде не останавливался надолго; с рассветом заседлывал он ишаков – белого для Гюльджан, серого для себя – и снова пускался в путь, все вперед, и все дальше, каждый день меняя ночлег. Утром его леденил мороз и заносила метель на горном снеговом перевале, в полдень недвижный зной каменистых ущелий сушил его губы, вечером он вдыхал благоуханную свежесть долины и пил из арыка мутную воду, рождение которой от льда и снегов видел сегодня там, наверху.

Будь его воля, он так никогда и не прекратил бы скитаний и все ездил бы, ездил, опоясывая землю маленькими дробными следами копыт своего ишака. Но человек, имеющий жену, должен иметь и потомство; Ходжа Насреддин не уклонялся от этого правила: на четвертый год супружеской жизни Гюльджан подарила ему четвертого сына. Радовался Ходжа Насреддин, радовалась Гюльджан, шумно ликовали, хлопая в ладоши, братья новорожденного, торжествуяще ревел белый ишак, оповещая всех двуногих в перьях и без перьев, всех четвероногих, всех плавающих и ползающих о приходе в мир молодого хозяина. Только серый ишак не радовался, хмуро передергивал ушами и смотрел в землю, не замечая весенней красоты, щедро разлитой вокруг.

Через месяц тронулись дальше – Гюльджан на своем белом ишаке, а Ходжа Насреддин на сером. Перед Ходжой Насреддином, на самой холке ишака сидел старший сын, второй сидел позади, на крестце ишака, и забавлялся тем, что, поймав и загнув к себе ишакий хвост, выбирал из кисточки застрявшие в ней репы; третий сын ехал в правой переметной суме, а четвертого уложили в левую.

– Гюльджан, мой ишак что-то скучает в последнее время, – сказал Ходжа Насреддин. – Уж не заболел ли он, спаси нас аллах и помилуй от подобного бедствия!

– Купи на следующем базаре хорошую плетку, и он сразу повеселеет, – посоветовала Гюльджан.

Ишак, внимая этим речам, только вздыхал, ропща в душе на своего хозяина.

Минул год. Снова пришла весна, южный ветер открыл цветы абрикосов, сады залились бело-розовой пеной цветения, наполнились писком, свистом, щебетом и чириканьем, арыки выступили из берегов и по ночам гудели гулко и полно, как трубы. Однажды на привале серый ишак, пощипывая свежую весеннюю траву, взглянул на Гюльджан и заметил, что она как будто опять пополнела. Убедившись в справедливости своих подозрений, он заревел, оборвал веревку и кинулся в сторону, ломая кусты.

Только тогда Ходжа Насреддин догадался о причине грустной задумчивости длинноухого.

– Моя прекрасная Гюльджан, – сказал он, – будет справедливо, если ты возьмешь двух последних сыновей к себе, на белого ишака.

С тех пор заскучал уже белый ишак, а серый, наоборот, поставя уши торчком, крутя и размахивая хвостом, бойко перебирал по дороге копытами.

Но прошло еще два года – и скучать начали оба ишака.

– Может быть, купим третьего? – предложила Гюльджан.

– О моя несравненная роза, ведь если так будет продолжаться, то скоро за нами пойдет целый караван! – ответил Ходжа Насреддин. – Нет, я вижу, годы странствий окончились для меня, пришли годы созерцания и размышления.

– Слава аллаху! – воскликнула Гюльджан. – Наконец ты догадался, что в твоём возрасте и с таким семейством неприлично болтаться по дорогам, подобно какому-то бездомному бродяге. Мы поедем в Бухару, поселимся у моего отца...

– Подожди, – остановил ее Ходжа Насреддин, – ты забыла, что в Бухаре царствует все тот же пресветлый эмир, и он, конечно, помнит своего придворного звездочета Гуссейна Гуслию. Поселимся лучше где-нибудь здесь, в Коканде или в Ходженте.

С бугра, где он поставил в этот день свой шатер для ночлега, были видны две дороги: одна – большая, торговая, на Коканд, вторая – узенькая, проселочная, к Ходженту. По большой кокандской дороге, в тяжелом облаке пыли, медленно катился темный гудящий поток верблюжьих караванов, арб, всадников, пешеходов; ходжентская дорога была пустынной, тихой, и высокое небо над нею чуть розовело, окрашенное прозрачным светом зари.

– Поедем в Коканд, – сказал Ходжа Насреддин.

– Нет, поедем лучше в Ходжент, – ответила Гюльджан. – Я устала от больших городов, от шумных базаров, я хочу отдохнуть в тишине.

Он понял свою ошибку: желая попасть в Коканд и зная природу супруги, следовало предложить ей Ходжент. «В такое захолустье!» – воскликнула бы она, и утром они направились бы по большой дороге. Но исправлять ошибку было поздно, а спорить даже опасно, ибо права старинная пословица: «Кто спорит с женой – сокращает свое долголетие».

Вздохнув, Ходжа Насреддин сказал:

– Я был когда-то в Ходженте и до сих пор помню вкус тамошнего знаменитого винограда. Хорошо, пусть будет по-твоему...

И они поселились в Ходженте, в слободе лепешечников Раззок, на самом берегу Сыр-Дарьи. Великая река, кормилица бесчисленных поколений, вырвавшись из тесных ущелий в долину, смиряла здесь бешеный напор своих желтых клокочущих вод и у Ходжента шла плавно, могуче, даруя жизнь растениям, животным и людям и усыпляя по ночам детей Ходжи Насреддина тихим журчанием струй, подмывающих глинистый берег.

В те годы, о которых идет здесь речь, от былой славы Ходжента и от его богатств ничего уже не осталось. Теперь это был маленький дремлющий городок, населенный мелкими лавочниками, садоводами, огородниками и множеством дряхлых чалмоносных стариков – отставных мулл, мударрисов, улемов и кадиев. Старики молились в мечетях, старики сидели в чайханах, бродили по улицам, переулкам и площадям, наполняя город немощным кашлем и шарканьем туфель, отстающих от пяток. Такое скопление стариков в одном городе было удивительным, – казалось, все они тайно сговорились отдать свой прах только желтой ходжентской земле и с этой целью съехались сюда со всех концов мусульманского мира.

Опоясанный со всех сторон многоводными арыками, защищенный горами от холодных ветров, Ходжент с его садами и виноградниками был истинным раем для всякого, утомленного бурями жизни, – вот почему ходжентцы никогда не уставали благодарить аллаха за великое счастье жить в таком благословленном месте.

Один только человек во всем городе думал иначе – некий Узакбай, бывший базарный надзиратель из Самарканда. Впрочем, этот Узакбай был вообще странным и неприветливым человеком: всегда носил большие темные очки, закрывавшие наполовину его лицо, ни с кем не сходил, не разговаривал, нигде не бывал в гостях и никого не приглашал к себе. Такая необщительность подсказала соседям вывод, что он носит в себе темную душу, отягощенную многими злодеяниями. Мальчишки шарахались от него в стороны, крича из-за углов и заборов: «Филин! Очкастый филин!..» А он все молчал, покачивая только головой и невесело улыбаясь этому прозвищу.

Да, под личиной Узакбая скрывался Ходжа Насреддин. Он знал: в этом тесном городке, где каждый человек на виду, достаточно ему ошибиться в одном слове, сделать один неверный шаг – и на его семью обрушится целый самум! Пришлось закрыть лицо темными очками, принять чужое имя, распугать нелюдимостью соседей и, совершив все это, почувствовать Ходжент угрюмой тюрьмой, а себя самого – несчастным и обездоленным на земле.

Он горько сетовал на аллаха, который вложил в его душу два противоречивых и взаимовраждебных начала: неистребимую страсть к бродяжничеству и горячую любовь к семье. Раздираемый этими силами надвое, он был истинным мучеником, тем более что свои страдания скрывал на самом дне сердца. Кому он мог пожаловаться, с кем поделиться? С Гюльджан, верной и горячо любимой подругой? Но в ней-то как раз и воплощалась одна из раздирающих сил; воплощением же второй был ишак, мирно дремавший и толстевший над своей кормушкой. И хотя ишак был лишен дара человеческой речи, только перед ним по ночам и мог излиться несчастный страдалец.

А наступающий новый день был похож на вчерашний. Ходжа Насреддин опять надевал очки, сквозь которые самое солнце казалось ему темным и тусклым, и шел на базар за покупками. Вернувшись, принимался за всякие мелкие дела по хозяйству – во двореке, в саду либо в сарае.

Но вечер всегда и безраздельно принадлежал ему. Семья ужинала без хозяина; он в это время сидел в одной окраинной чайхане на берегу Сыр-Дарьи.

Это была самая убогая, самая грязная во всем Ходженте чайхана, посещаемая только нищими, ворами, бродягами и прочим городским сбродом. Но зато здесь Ходжа Насреддин чувствовал себя в безопасности.

Чадно дымили плошки с бараньим жиром. Рябой чайханщик – скупщик краденого, с перебитым носом и бесстыдно задранными дырами ноздрей, сутился перед кипящими кумганами. Скоро начинали собираться и гости. Наполняя воздух отвратительной вонью своих невероятных лохмотьев, происхождение которых не взялся бы определить даже сам верховный вождь цыганских племен люли, в тубетейках, засаленных до того, что их можно было поджаривать, горбатые, хромые, слепые, расслабленные, с жилами, пораженными трясучкой, в коросте и язвах, с палками и на костылях, гости со всех сторон ползли в чайхану и с криками, бранью, спорами начинали обсуждать дневные дела, свои грошовые удачи и промахи. Глядя на всю эту голытьбу, копошащуюся в тусклом свете коптилок, Ходжа Насреддин горько думал: «Вот все, что осталось мне от большого и прекрасного мира!»

А мир лежал перед ним – широкий, просторный, открытый во все концы... Заря меркла, сумерки сгущались, затихшая река дышала прохладной свежестью – мир покорялся ночи, и звезды, разгораясь, все чище, ярче, отдалялись от сквозной воздушной черноты неба и тянули к земле дрожащие хрустальные нити – «струны ангелов», как сказал бы Хафиз.

Ходжа Насреддин не спешил домой. Половина гостей уже храпела вповалку на грязном полу, чайханщик тушил огни под кумганами, уже начиналась по всему городу первая сонно-певучая переключка петухов, а он все сидел, все думал, пытаясь найти выход, который бы примирил в его душе две уже упомянутые взаимовраждебные силы и освободил бы его из ходженского нестерпимого плена.

Он и сам еще не знал в это время, что его ходжентский плен уже кончился: в душе созрела решимость и ждет минуты, чтобы подняться в разум, а затем претвориться в дела; ему, как нависшей лавине, не хватало только толчка.

Глава вторая

Наконец судьба послала ему одну удивительную встречу, послужившую началом событий.

Направляясь по вечерам в чайхану, Ходжа Насреддин всегда проходил мимо одного глухонемого нищего, сидевшего под камышовым навесом у входа в старую, полуразвалившуюся мечеть Гюхар-Шад. По виду это был самый обыкновенный нищий, ничем не отличавшийся от своих бесчисленных собратьев, что во множестве сновали по базару, бродили по улицам, густо роились вокруг мечетей, гробниц и прочих священных мест, способствующих размягчению сердец правоверных, а главное – ослаблению завязок на их кошельках. Одно только было непонятно в этом нищем: почему он избрал для себя мечеть давно бездействующую, никем не посещаемую и малопригодную для процветания его ремесла?.. Получив от Ходжи Насреддина ежедневные полтаньга, нищий благодарил молчаливым поклоном, кротким взглядом добрых старческих глаз, как бы вернувших себе из далекого прошлого детскую ясность, сворачивал свою дырявую подстилку и удалялся в мечеть, в развалины, где, по-видимому, и жил, деля свое одиночество с летучими мышами и совами.

И вот однажды глухонемой нищий вдруг заговорил. Случилось это в конце зимы, в ненастных сумерках; тучи закрывали зарю, кропил косой редкий дождь, свистел в оголенных деревьях ветер, рябил тусклую воду в лужах, трепал и заворачивал камышовый навес над головою старого нищего. Ходжа Насреддин остановился перед ним, полез в карман за монетой, но достать не успел – нищий простер к нему иссохшую руку и проникновенным голосом сказал:

– Не печалься, Ходжа Насреддин, скоро ты сбросишь свои темные очки.

Ходжа Насреддин так и замер на месте с вытаращенными глазами, приоткрытым ртом и рукой, засунутой в карман. Он хорошо знал все хитрости нищих и не удивился бы тому, что глухонемой заговорил, но откуда знает старик его имя?

Нищий угадал мысли собеседника:

– Не бойся меня, Ходжа Насреддин! – В глубине его бледных глаз вспыхнул свет. – В надежде получить от тебя помощь, я уже много лет стремлюсь к беседе с тобою, но до сих пор это никогда не удавалось мне, хотя я неоднократно видел тебя и раньше. Я видел тебя в Бухаре, когда сидел со своей чашечкой возле водоема Ляби-Хауз, видел тебя в Самарканде...

– Подожди, – перебил Ходжа Насреддин, удивление которого возрастало с каждым словом нищего. – Каким образом и откуда ты узнал о моем пребывании здесь? Ты вселил в мое сердце тревогу.

– Извергни ее из своего сердца! Во всей округе только я знаю о твоём пребывании здесь. Мне сказал об этом один мой духовный брат из нашего тайного братства Молчащих и Постигающих, или – иначе – Звездно-странственных дервишей. Проходя в начале зимы по базару, он случайно увидел тебя как раз в то мгновение, когда неосторожный носильщик своим тюком сбил на землю твои темные очки...

– Припоминаю! – отозвался Ходжа Насреддин. – Однако у твоего духовного брата изрядно острые глаза, если он успел в одно это мгновение опознать меня. Уверен ли ты, что он не сочетает тайного братства Молчащих и Постигающих с другим и тоже тайным братством Подслушивающих, Подсматривающих и Выслеживающих?

– Не греши! – строго остановил его нищий. – Это был добродетельный брат, память о котором для меня священна, ибо он уже перешел из брэнного земного бытия в иное, высшее состояние.

– Прости меня, мудрый старец, – сказал Ходжа Насреддин, чувствуя к дервишу внутреннее влечение и доверяясь ему. – Скажи теперь: почему именно сегодня ты обратился ко мне?

– По нашему уставу я в течение трехсот шестидесяти трех дней в году глух и нем, – ответил старик. – Ты первый, с кем я заговорил после годового молчания. Именно сегодня начались те мои два дня, когда я волен снять печать со своих уст. Что же касается прежних встреч, то они всегда бывали либо раньше, либо позже этих дней, и я молчал, хотя мое сердце стремилось к тебе и душа обливалась слезами.

– Говори, в чем твое горе, какой помощи ты ждешь от меня! – воскликнул Ходжа Насреддин, тронутый словами старика. – Может быть, ты нуждаешься в деньгах, почтенный старец? У меня как раз припрятаны в укромном местечке сто пятьдесят таньга, о которых моя жена ничего не знает.

– Я дервиш и не ищу в мире никаких выгод, кроме духовных, – ответил старик с достоинством. – Нет, не о деньгах я прошу тебя; однако здесь, на дороге, на холодном ветру, не место говорить о подобных вещах; идем со мною.

Они пошли в развалины мечети.

Старик провел гостя в маленькую келью, каким-то чудом уцелевшую от землетрясения, зажег с помощью огнива светильник. Ходжа Насреддин увидел в углу солому – постель старика, глиняный кувшин для воды, черепок, накрытый темной и черствой лепешкой, объединенной мышами по краям. Больше ничего не было в келье, да больше ничего и не нужно было старику, постигшему всю глубину и всю мудрость учения дервишей.

Взяв лепешку, старик осторожно обломал в ладонь объединенные края, высыпал крошки на лоскут, постеленный в углу перед мышьиной норкой. Затем разделил лепешку пополам и подал одну половину гостю:

– Поужинаем сначала перед нашей беседой.

Гудел за стеною ветер, проскальзывал в щели, пригибая и колебля тонкое пламя светильника; вторя качаниям огня, по стенам и потолку качалась тень, то застилая, то снова открывая худое горбоносое лицо старика. Здесь, в этой убогой келье, под унылый свист ветра, под слитный шум упорного дождя, под мышьиный писк и возню в соломе, началась их беседа. Старик полез куда-то в угол, достал из-под соломы узелок, развязал его и высыпал на каменный пол горсть мелкого серебра.

– Вот деньги, которые ты опускал в мою чашечку. Я сберег их все, до твоей вчерашней монеты; возьми и присоедини к тем ста пятидесяти таньга, о которых не знает твоя жена.

– Никогда еще я не брал назад своей милостыни! – возразил Ходжа Насреддин. – Оставь у себя эти деньги, почтенный старец, и при случае отдай какому-нибудь обремененному семьей бедняку. Теперь скажи – какой помощи ты ждешь от меня?

Не ответив, старик погрузился в глубокое раздумье, тягостное для его сердца, судя по вздохам, которыми оно сопровождалось. Прошло много времени, фитиль нагорел и потрескивал, разбрасывая искры, осевшее пламя едва теплилось.

Ходжа Насреддин палочкой осторожно снял нагар – пламя вспыхнуло, осветив старика. Он поднял голову:

– Ответь мне сначала, Ходжа Насреддин, познал ли ты уже свою веру?

– Свою веру? – удивился Ходжа Насреддин. – Я знаю ее с детских лет. Ислам – вот моя вера, хотя должен признаться, что частенько против нее грешу.

– Это общая вера, – сказал старик. – Но каждому из живущих открывается еще своя особая, частная вера, существующая только для этого человека. Я спрашиваю о твоей частной вере, только для тебя.

Ходжа Насреддин вынужден был сознаться, что своей частной веры не знает.

– Так я и думал, – заключил старец. – А между тем в ней-то как раз и содержится ключ ко всем загадкам, которые мучают нас. Познай свою веру, и тьма станет для тебя светом, путаница – ясностью, бессмыслица – соразмерностью. Твоя жизнь, о Ходжа Насреддин, была всегда многодеятельной, но раньше это касалось только внешнего ее течения, в то время как дух, не

смущаемый никакими поисками, вполне обходился простым здравым смыслом и беспрепятственно наслаждался всей полнотой своего родства с миром. А теперь деятельность передалась внутрь, захватила и дух, который как бы тоже завел своего ишака, и с ним кочует из Бухары причин в Стамбул следствий, Багдад сомнений и Дамаск отрицаний.

Ищи свою веру, Ходжа Насреддин; если сам не сможешь найти – я подскажу.

– О мудрый старец, ты заглянул на самое дно моей души! Тебе известны все мои сокровенные помыслы!

– Известны, – подтвердил старец. – Знай, что я мысленно сопутствую тебе во всех твоих скитаниях, соучаствую во всех твоих делах. Где бы ты ни был и что бы ни делал – все, до последнего слова, оброненного тобой, доходит до меня и запечатлевается в моей памяти, чтобы затем переплавиться в добродетельное размышление. Во мне ты видишь как бы самого себя, но уже перешедшего в заключительный срок земного бытия, когда на смену бурям и страстям приходят покой и мудрость.

– Великий аллах! Поистине, удивительный случай: встретить на дороге самого себя, но уже стариком и в образе нищего!

В голове у Ходжи Насреддина слегка гудело: старик своими странными речами сбил его с толку и поверг в недоумение.

Но это было только началом; еще много удивительного предстояло услышать ему.

– Почтенный старец, но в чем же все-таки заключается то дело, ради которого ты обратился ко мне? Дервиш опустил седую голову.

– Близок, близок час, когда, безгласный и бездыханный, возлягу я на погребальные носилки, – отозвался он с глубокой скорбью в голосе. – Предвидение этого часа наполняет меня трепетом, и в слезах я обращаю к тебе свои мольбы: помоги!

– Чем? Поднять тебя с погребальных носилок?

– Нет, спаси мое духовное существо от возвращения в низшее первоначальное состояние, в котором я уже был когда-то, в незапамятные времена. Сколько перевоплощений прошел за это бесконечное время мой дух, сколько тяжких усилий он совершил на пути к совершенству, а теперь, по моей преступной нерадивости, ему предстоит начать весь круг сызнова, с первой, самой несовершенной ступени...

– Милосердный аллах! – воскликнул Ходжа Насреддин, трясая головой. – Я ничего не понимаю, как есть ничего! Скажи мне простыми, ясными словами – что нужно тебе от меня?

– Якорь моего спасения в твоих руках! – повторил старик. – Но вижу, ты не поймешь меня, пока я не открою тебе некоторых тайн, известных нам, Молчащим и Постигающим.

– Хорошо, – покорился Ходжа Насреддин, видя, что другим путем добиться от старика толкового ответа нельзя. – Хорошо, я готов к приятию твоих тайн.

– Тогда начнем во имя истины! – сказал нищий торжественным голосом. – Только пересядь сначала на другое место: мои мыши боятся и до сих пор не вышли к ужину из своей норки.

Ходжа Насреддин пересел на другое место, мыши вышли из своей норки и поужинали; после этого старик, молитвенно огладив ладонями бороду, возгласил:

– Да благословит высшая мудрость нашу беседу и ниспошлет тебе дар понимания, а мне – дар ясности и глубины в моих словах.

Он закрыл глаза и несколько минут молчал, сохраняя на лице важное, сосредоточенное выражение, точно прислушиваясь к таинственному голосу изнутри; потом его лицо прояснилось, и он поднял палец, призывая гостя ко вниманию.

Тайна старца о перевоплощениях духа оказалась давно известной Ходже Насреддину из бесед с индийскими дервишами, но вежливости ради он молчал. Незаметно мысли его отвлеклись в сторону – к семье, к близящейся весне, и от поучений старика остался лишь однозвучный голос, подобный мерному жужжанию прялки, а слова исчезли. «Через неделю подует южный ветер, дороги размякнут, снег на перевалах осядет, – думал Ходжа Насреддин. – Прой-

дет еще неделя, и поднимутся в путь дальние караваны, поднимутся кочевники со своими стадами...»

А прялка все жужжала, жужжала... А еще через минуту в келье послышался легкий храп с переливами и нежное посвистывание носом.

Ходжа Насреддин спал. Губы его приоткрылись, тюбетейка съехала на левый глаз, голова поникла, плечи обвисли. К счастью, он сидел в тени, старец не заметил его постыдной сонливости. Но великие тайны, завеса над которыми уже приподнималась, так и остались закрытыми для него, а вместе с ним – и для нас.

Он спал, и сны его были далеки от всяких надземных тайн. Снились ему дороги, дороги, о которых так неотступно думал он наяву, шумные базары, столь милые его сердцу, верблюжьи караваны в пустыне, горные перевалы, где путники, держась за общую веревку, восходят сквозь мокрые плотные облака. Он видел слепающий синий пламень южных морей, зыбкие, хрустально гладкие валы, тяжеловесно катящиеся под высокий нос корабля, скрежет и ползание вдоль бортов ржавой рулевой цепи, выгнутые, полные ветра паруса турецких фелюг...

Тюбетейка соскользнула с головы Ходжи Насреддина, упала ему на колени. Он вздрогнул, проснулся.

Дервиш продолжал свое поучение:

– Могут спросить – где же находит свое новое воплощение наш дух, покинувший землю, и где пребывал он раньше, до появления на земле? А планеты, а звезды, рассеянные во вселенной! Мы приходим на землю с какой-то звезды и уходим на звезду; мы – звездные странники, о Ходжа Насреддин! Вот почему звездный купол влечет к себе наши взоры и наполняет нас возвышенным умилением: мы видим над собою нашу вечную и безграничную родину, от которой получили бессмертие.

Ходжа Насреддин решил, что настало самое время задать старику какой-нибудь вопрос и этим затемнить свою постыдную сонливость:

– О мудрый старец, мне часто приходилось видеть падающие звезды. Как же понимать их падение? Ведь хорошо, если оборвалась и упала та звезда, на которой я уже успел побывать в одном из прежних своих воплощений, но что, если упадет та, на которую я должен переселиться? Где же мой дух будет ее разыскивать по окончании земного бытия и куда он должен деваться, если не найдет во вселенной?

Старик слегка опешил и, откинув голову, долго смотрел на Ходжу Насреддина с изумлением во взгляде.

– А я только что хотел похвалить тебя за усердие, с которым ты вникал в мои поучения, не перебивая хода моих мыслей глупыми и неуместными вопросами, – сказал он с неудовольствием. – Однако уже поздно, уже пропели предполуночные петухи и городская стража ударила в барабаны, призывая жителей тушить огни в очагах; иди с миром домой, подумай о тайнах, которые я поведал тебе, а завтра вечером приходи опять, и мы продолжим беседу.

Ходжа Насреддин встал, молча поклонился нищему, вышел из кельи. Ночь встретила его сырым ветром и теменью – непроглядной, как тот мрак невежества, в котором пребывают многие ленивые духом и разумом. Но дождь прекратился, тучи редели; в просвет, обозначившийся на западе, выглянула одинокая звездочка – робкая, словно бы вся заплаканная. Удивленно смотрела она с высоты, сквозь мокрые ресницы, на черную холодную землю, и столько ласковой кротости было в ее сиянии, что Ходжа Насреддин, умилившись, пожелал непременно попасть на эту именно звезду, если уж звездные странствия действительно суждены ему. «О прекрасная голубая звездочка, будь приветлива ко мне, когда придет мой час!» – мысленно воскликнул он, воспарив своим бессмертным духом в надземные выси, – но как раз в эту минуту его смертная плотская оболочка поскользнулась на жиденьком мостике из двух жердочек и шумно, с плеском и брызгами, свалилась в глубокий арык, полный ледяной воды. Ходжа Насреддин промок до нитки, вывозился в грязи, продрог и посинел, прежде чем добрался до

дома. «И куда только носит тебя шайтан в такую темень!» – бранилась Гюльджан, развешивая перед очагом его мокрую одежду; он молчал, ругая в душе последними словами благочестивого старца со всеми его звездностранственными поучениями, ради которых приходится совершать по ночам столь прискорбные земные странствия...

Однако на следующий вечер он опять сидел в той же келье, слушая второе поучение нищего.

На этот раз он узнал, что для каждого воплощения есть свой особый закон, который наш дух обязан исполнить, дабы закончить воплощение более совершенным и обогатиться новыми свойствами, необходимыми для перехода в следующее, высшее бытие.

– Что касается земного воплощения, – говорил старик, – то его закон – это закон деятельного добра. Знай: будущие радостные века земли принадлежат деятельным – назову их Борющимися и Созидающими дервишами, – которым и предстоит окончательно сокрушить земное зло... Ты, о Ходжа Насреддин, предтеча этих благоблестных созидателей, вот почему смысл твоего земного бытия столь значителен, что должен послужить примером для многих поколений после нас...

Ходжа Насреддин с неподдельным вниманием слушал пророчества нищего о райском расцвете земли, – не раньше, правда, чем тысяча через пятьсот лет... Старый дервиш был в точности осведомлен о своем бессмертии, поэтому держался с веками и тысячелетиями запросто, на дружеской ноге, но Ходжу Насреддина такой срок повергал в уныние. Он привык считать землю своим родным домом, а не случайным караван-сараям на путях звездных странствований, и ему хотелось поскорее навести в этом доме порядок. Пятьсот тысяч лет! Умственный взор его терялся в этой необозримости...

А время шло к полуночи. Ходжа Насреддин попробовал вернуть звездностранственного старца из его туманных парений к земле, к тому делу, ради которого они сошлись в этой келье.

– Чувствуя себя достаточно просветленным, о вещий старец, – заговорил он со всей возможной почтительностью, – я полагаю... позволяю себе, так сказать, дерзость, в расчете на твое снисхождение... что теперь смог бы уразуметь, какой именно помощи ты ждешь от меня? Осмелюсь добавить, что время позднее, а минуты летят, – поведай же мне свое дело.

Старец поник головою:

– Дело это многотрудное...

– Говори! Берусь исполнить, лишь бы оно не выходило за пределы человеческих сил. Впрочем, если и выходит, но не слишком далеко, я тоже исполню!

Глубоко вздохнув, старец начал свой рассказ:

– В те дни, когда я ничего еще не знал о братстве Молчащих и Постигающих, когда я был богат и вел мерзостный образ жизни, предаваясь наслаждениям и различным порокам, когда мне еще и в голову не приходило раздать все свое имущество бедным, а самому остаться нагим и босым, – в те дни, в числе прочих богатств, я владел одним горным озером, находящимся здесь, в Фергане. И вот однажды – о черный день моей жизни! – я проиграл это озеро в кости некоему Агабеку, соединяющему в себе свирепость дракона и бессердечие паука. Завладев озером, Агабек поселился на его берегу и обложил несчастных жителей селения такими неслыханными поборами за воду для поливов, что многие впали в бедность, а иные разорились совсем...

Скрытое рыдание перехватило голос старика, остановив на минуту его речь. Он справился со своим волнением и продолжал:

– Каждый год с наступлением весны ко мне бегут слухи о свирепости и корыстолюбии этого человека. Я мучаюсь, проливаю слезы, терзаюсь раскаянием, но исправить ничего не могу. Подобно камню, висит на мне это зло, и когда я окончу земной путь, оно воспрепятствует моему переходу в иное, высшее бытие, ибо дух человека не может считаться достигшим долж-

ной степени совершенства, если на земле после него осталось посеянное им и не исправленное...

– Понимаю, понимаю! – подхватил Ходжа Насреддин, заметив, что старец расправляет крылья, готовясь опять воспарить. – Значит, я должен отобрать у Агабека это озеро? Ты прав, многомудрый наставник, – такой задачи я никогда бы не смог для себя уяснить, не выслушав предварительно всех твоих поучений. Слушай же: я никогда не видел этого Агабека, но заранее тебе ручаюсь, что его доходы сильно уменьшатся в этом году. Говори, где находится оно, твое озеро?

Старец молчал. В ночной тишине Ходжа Насреддин услышал далекое пение полуночных петухов.

Последний, второй день старца окончился, его уста сомкнулись до следующей весны, согласно обету.

– Одно слово! – в тревоге воскликнул Ходжа Насреддин. – Одно только слово – где? Старец молчал. Ходжа Насреддин не мог скрыть досады:

– На все нашлось у тебя время, достопочтенный старец: на длинные звездностранственные разговоры, на поучения о мировом свете, – но одно-единственное земное слово, к тому же самое нужное, тобою не сказано, последней секунды тебе не хватило!

В невыразимой скорби, в отчаянии нищий закрыл ладонями худое, изможденное лицо.

Жалость горячей волной толкнула Ходжу Насреддина в сердце, щеки залились жгучей краской стыда.

– Прости меня за жестокий упрек! – воскликнул он, коснувшись рукой плеча нищего. – Утешься, я знаю: твое озеро – в горах Ферганы, этого достаточно. Я найду озеро и найду Агабека, клянусь той звездой, на которую мне предстоит переселиться! Как только зацветет миндаль в моем садике, я тронусь в путь. Совершенствуй спокойно свое духовное существо и дальше, о звездностранственный старец, а все остальное предоставь мне!

Возвращаясь в темноте домой, шлепая по лужам, он то усмехался, то погружался в раздумье. «Безумец или мудрец этот нищий?» – спрашивал он себя. Ночь была холодная, сырая, но в пахучей влажности ветра, в чистоте и ясности звездного блеска чувствовалась близость весны.

Ходжа Насреддин свернул в свой переулок. Здесь у дороги стоял дуплистый, хорошо ему знакомый тополь – очень старый, судя по рубцам и черным мозолям на его заскорузлой коре. Сейчас его ствол был невидим в темноте, слившейся воедино землю, дома и заборы, но раскидистая крона тонко сквозила на темно-прозрачном небе, слегка серебристом от звезд. Подпрыгнув, Ходжа Насреддин поймал нижнюю ветку тополя и осторожно, чтобы не сломать, притянул к себе. Всего неделю назад тополь был безжизненным, в тяжелом зимнем сне, как в смерти, а сегодня под пальцами явственно обозначились почки, еще не клейкие, но уже благоухающие. И, прикинув ухом к морщинистой коре, Ходжа Насреддин уловил слабый, едва заметный звук, подобный стону далекой струны, – то ли гул полуночного ветра, то ли начавшееся внутри тополя сокровенное движение соков от корня к вершине.

Глава третья

Со времени этих памятных бесед Ходжа Насреддин уже не опускал денег в чашечку старого нищего, но всегда захватывал из дома свежую ячменную лепешку, завернутую в чистую тряпочку.

Нищий, как и раньше, благодарил молчаливым поклоном и взглядом, полным надежды.

– Скоро, теперь уже скоро! – отвечал Ходжа Насреддин. – Вот потеплеет в горах, подсохнут дороги, и я двинусь на розыски озера.

Все чище, выше, синее становилось небо, все реже заволакивалось оно тучами; в полдень на солнце можно было сидеть без халата. Взволнованный приходом весны, Ходжа Насреддин похудел, глаза его светились молодым острым блеском; сон его в эти дни был прерывист и чуток.

Прошла еще неделя; однажды ночью Ходжа Насреддин, томимый бессонницей, вышел в свой маленький садик – и замер от восхищения. Земля плыла в голубом дыму, а темно-прозрачный воздух над нею весь гудел и стонал, наполненный призывным гоготанием гусей, звоном и свистом утиных крыльев. Вольные птицы летели на север. «В дорогу, в дорогу!» – медными голосами кричали гуси, собирая высоко в небе, под самыми звездами, свои караваны; «Скорее, скорее!» – отвечали им суетливые утки и вразброд, как попало, со всех сторон, стаями, парами и одиночками, неслись низко и стремительно, почти задевая деревья. Вздыхал в саду ветер, осыпая землю белым дождем лепестков, гудела в арыках весенняя певучая вода; в конюшне тревожно и радостно заржал жеребенок и гулко ударил копытом в глиняный пол. Ходжа Насреддин долго стоял в забытии, внимая великому движению на небесных дорогах. Рассвет застал его в стойле у ишака.

– Не печалься, дни нашей скорби окончились! – говорил он, обняв за шею своего длинноухого друга. – Через неделю мы будем далеко отсюда, на больших дорогах, на шумных базарах. Но Гюльджан... Как быть с нею? Сказать ей прямо, открыть правду? Но ты ведь знаешь ее природу: если бы она вдруг утонула в реке, – спаси нас аллах и помилуй от подобного случая! – то я бы пошел искать ее тело не вниз по течению, а вверх!

Он задумался. Различные мысли, как летучие молнии, вспыхивали в его уме, но он отвергал их все, одну за другой.

– Неужели я так поглупел? Что же ты молчишь, мой верный ишак; думай, помогай мне!

Ишак ответил вздохом и бурчаньем в животе. В это время прозрачный розовый луч восхода скользнул сквозь дверную щель в стойло; глаза Ходжи Насреддина ярко вспыхнули навстречу заре.

– Ну, конечно! – воскликнул он. – Если я не могу уехать от семьи, то почему бы моей семье не уехать от меня?..

Вернувшись в этот день с базара, он сказал жене:

– Я встретил сегодня одного бухарца, который хорошо знает старого Нияза, твоего отца. Этот бухарец выехал из Бухары два месяца назад и сейчас с попутным караваном направляется обратно. Он рассказал, что твой отец жив, здоров и не терпит нужды, только сильно скучает. Как жаль, что мне запрещен въезд в Бухару и мы не можем навестить его!

Гюльджан ничего не ответила, склонилась ниже над своим шитьем. Ходжа Насреддин смотрел на нее с грустной и доброй усмешкой. Кто мог бы узнать в этой толстой крикливой женщине с красным лицом прежнюю Гюльджан? Но у Ходжи Насреддина было двойное зрение, и он, когда хотел, мог смотреть на свою любимую жену глазами сердца и видеть ее прежней. «О моя кроткая голубка, прости меня за этот обман! – мысленно восклицал он. – Но ты сама хорошо знаешь свою природу – скажи по совести, могу ли я поступить иначе?»

На следующий день он возобновил разговор о бухарце.

– Я хотел позвать его в гости, но караван уже ушел в Бухару, – сказал он за обедом, глядя в стену, чтобы не встречаться глазами с Гюльджан, потому что на самом деле никакого бухарца ни вчера, ни сегодня не видел, а все придумал, от начала до конца.

– Через неделю они будут в Бухаре, – задумчиво говорил он. – Войдут в город через южные ворота, что видны с крыши вашего дома. И, возможно, старый Нияз увидит с крыши этот караван. А потом бухарец расскажет ему о нас – что мы живы, здоровы и живем в Ходженте, отделенные от Бухары всего лишь неделей пути. И еще он расскажет Ниязу, что аллах послал ему семерых внуков и все они любят своего деда, хотя никогда не видели его...

Гюльджан вздохнула, на ее ресницах повисла слеза. Ходжа Насреддин понял: глина ее сердца размягчена, время вертеть гонимый круг своей хитрости и лепить горшок замысла.

– А надо бы, надо бы показать старику его внуков, – сказал он с грустью в голосе. – Да поразит аллах слепотой и гнойными язвами этого разбойника эмира, из-за которого я не могу появиться в Бухаре! Впрочем, запрет касается только меня, а ты с детьми вполне могла бы поехать. Через неделю ты уже обнимала бы старика; жаль, что у нас нет денег на поездку.

– Как нет денег? – отозвалась Гюльджан. – А кошелек с восемьюстами таньга, что лежит в сундуке?

Ходжа Насреддин только и ждал, чтобы она первая заговорила о кошельке. Весь дальнейший разговор был известен ему заранее, как известна бывает опытному лодочнику река, на которой он вырос, – со всеми изгибами, отмелями и опасными перекатами.

Он уверенно повел вперед свою лодку.

– О нет! – воскликнул он. – Этих денег трогать нельзя; они нужны для дома. Я уже распределил.

– Распределил? Вот как?

Опасный перекат близился. В голосе жены Ходжа Насреддин ясно слышал грозный бурлящий гул его водоворотов.

Он вторично ударил веслом и, минуя все тихие заводи, вывел свою лодку на самую середину реки, в быстрину:

– Во-первых, нужно в саду устроить хороший водоем и выстлать его каменными плитами, чтобы детям было где купаться в жаркие дни.

– Ты совершенно прав, – отозвалась Гюльджан. – Как же обойтись без водоема, если река проходит под самым нашим садом, в десяти шагах?.. А выстлать можно и мрамором...

Лодка неслась стремительно, впереди уже виднелась белая пена, кипящая на подводных камнях.

– Водоем обойдется в двести таньга, – Ходжа Насреддин загнул два пальца. – Кроме того, я думаю построить в саду беседку и убрать ее внутри коврами. Плотники говорят, что на это понадобится еще двести. Столько же придется заплатить за ковры.

– Уже шестьсот, – сосчитала Гюльджан. – Остается еще двести.

– Они тоже нужны, – поспешил сказать Ходжа Насреддин. – Вместо нашей дощатой калитки я хочу поставить ореховую, резную. А напоследок позову мастеров, чтобы они расписали весь наш дом изнутри и снаружи синими цветами.

Синие цветы только сейчас пришли ему в голову; он сказал – и сам испугался.

– Зачем же снаружи? – спросила Гюльджан.

– Для красоты, – пояснил Ходжа Насреддин. Весло вдруг переломилось, лодка с размаху ударилась о камни, перевернулась, водоворот подхватил и понес Ходжу Насреддина. Были крики и были слезы до самого вечера.

– Чтобы навестить бедного одинокого старика – денег нет, а расписывать дом синими цветами – деньги есть! – кричала Гюльджан. – И зачем расписывать его снаружи: ведь все равно первый дождь смоем всю твою дурацкую роспись!

Ходжа Насреддин молчал. Два дня пришлось ему с непокрытой головой стоять под ливнем ее упреков, зато на третий день у ворот появилась крытая арба: торжествующая, гордая своей победой Гюльджан уезжала со всеми детьми в Бухару.

– Будь осторожен на мостах и на косогорах, – наставлял Ходжа Насреддин возницу. – Не пускай свою лошадь вскачь.

Пригревшийся на солнце возница клевал носом в сладкой дремоте; дремала и пегая кобыла, осев на левую заднюю ногу; наставления Ходжи Насреддина были совершенно излишними, ибо прошло уже очень много лет с тех пор, как эта почтенная пара пускалась вскачь.

Настелив на арбу мягкой рисовой соломы и прикрыв ее дорожным ковриком, Ходжа Насреддин долго носил из дому разные узлы, корзины, сумки; наконец из калитки вышла Гюльджан, а за нею цепочкой, по росту, – семеро, и все – сыновья.

Возница встрепенулся, приосанился в седле, крепче упер ноги в оглобли, взмахнул плетью, показывая всеми этими движениями, что он готов, и опять задремал, по опыту зная, что еще не скоро скажут ему: «Велик аллах над нами; ну – поехали!» А кобыла даже и не просыпалась, только переменила ногу, осев теперь на правую сторону.

Ходжа Насреддин помог жене взобраться по спицам колеса на арбу, затем передал ей всех сыновей, крепко целуя каждого на прощание. На арбе образовался многорукий пестроголовый клубок, издающий писк, визг и вопли, а посередине, как наседка над цыплятами, восседала озабоченная и в последнюю минуту взгрустнувшая Гюльджан.

– О мой дорогой супруг, хорошо ли ты запомнил мои поручения?

– Запомнил, все запомнил, о роза моего сердца! Во-первых, отнести меднику в починку дырявый кумган, во-вторых, прочистить дымоход, в-третьих, отдать мяснику долг, шестнадцать таньга.

– И еще – забор, – напомнила Гюльджан, указывая на широкий пролом в глиняном заборе, возле калитки. – Обязательно почини забор.

– Я примусь за него сегодня же, как только провожу вас. Не задерживайся в Бухаре слишком долго, о свет моих очей!

– Мы вернемся ровно через три месяца.

Снова началось прощание – объятия, поцелуи, писк, визг и вопли; Ходжа Насреддин в суматохе никак не мог уследить, какого из сыновей он поцеловал дважды, а какого пропустил, и в десятый раз принимался целовать всех сызнова.

Между тем солнце поднялось высоко, утренние легкие тени сменились дневными, короткими и резкими, возница выспался, кобыла застоялась – пришло время трогаться.

– Велик аллах над нами; ну – поехали! – дрогнувшим голосом сказал Ходжа Насреддин.

– Велик аллах! – ответил возница, и арба, скрипя, качаясь, медленно ворочая свои огромные колеса, двинулась в путь.

Ходжа Насреддин шел сзади. Миновали переулок, миновали знакомый тополь, что выбросил уже листья и навис легким зеленым облаком над дорогой.

Миновали базарную площадь; недалеко осталось до городских ворот.

Гюльджан сказала мужу:

– Если ты задумал провожать нас до самой Бухары, садись уж лучше рядом со мною.

Он поблагодарил ее улыбкой за эту шутку, остановил арбу, в последний раз перецеловал семейство – от Гюльджан до самого маленького... И долго потом стоял на дороге, глядя вслед уезжавшим; наконец арба скрылась за поворотом, ее скрипение затихло, – он остался один.

Задумчивый и грустный возвращался он домой, вспоминая слова Ибн-Хазма: «В разлуке три четверти горя берет себе остающийся, уходящий же уносит всего одну четверть».

Дворик встретил его солнечной тишиной; только кричала в саду светлым одиноким голосом иволга, – раньше, за вечным шумом и возней ребятишек, Ходжа Насреддин ни разу не слышал ее.

Не заходя в опустевший дом, он направился к сараю, приоткрыл дверь, тихонько свистнул. Темнота не ответила. Он свистнул вторично. В сарайчике послышались тяжкие вздохи, сопение, шуршание, и вышел ишак – толстый, сонный, хмурый, отвыкший от солнца, недовольно жмурящийся на ярком свете. Он поднял уши и посмотрел вокруг как бы в недоумении.

– Чему ты удивляешься? – спросил Ходжа Насреддин. – Что в доме так тихо? Они все уехали в Бухару, к старому Ниязу, и мы с тобою теперь свободны, как вольные птицы.

Собрать переметные сумки и заседлать ишака было для Ходжи Насреддина делом пяти минут.

– Ого, ты растолстел, как гиссарский баран! – говорил он, затягивая подпругу. – Но через неделю, клянусь, ты будешь похож на борзую собаку! У нас, мой верный товарищ, очень много дел и очень мало времени. Вперед! Большая дорога ждет нас!

Он запер дом большим медным замком, припер калитку изнутри двумя толстыми жердями – и затем, нисколько не тревожась о дальнейшей сохранности своего имущества, выехал через пролом в заборе на дорогу.

Глава четвертая

Миновав базарную площадь, он направил ишака в сторону мечети Гюхар-Шад.

Нищий сидел на обычном месте и, слегка запрокинув голову, устремив глаза в голубое небо, задумчиво и тихо улыбался, предчувствуя, быть может, свой полет сквозь эту светоносную бездну.

Ходжа Насреддин придержал ишака:

– Благослови меня, о мудрый старец! Жди меня обратно через три месяца; тогда я расскажу тебе об озере, об Агабеке и, надеюсь, смогу назвать мою веру.

Какой радостью, каким восторженным умилением осветилось лицо старика! Он встал, поклонился Ходже Насреддину, коснувшись рукою земли; губы его беззвучно шевелились – он творил напутственную молитву.

За городскими воротами дорога поворачивала к реке. Ходжа Насреддин ехал сначала побережными садами, потом свернул на проселок, в поля. Вокруг лежали влажно дымящиеся пашни, усыпанные людьми, – был самый разгар весенних работ.

В низинах, на рисовых полях, работали по трое: могучий горбатый бык, по колено в воде, медленно тащил грубую соху; за сохою, блестя изгибом потной спины, шел пахарь; сзади, высоко поднимая голенастые красные ноги, важно шагал аист, выбиравший из жидкого ила головастиков и разных червячков. «Да благословит аллах ваши труды!» – кричал Ходжа Насреддин; все трое останавливались, поворачивали головы к дороге; пахарь, сбросив ладонью пот со лба, отвечал: «Спасибо, да благословит аллах твой путь!» – и медлительное шествие возобновлялось в прежнем порядке: впереди – бык, за ним – пахарь и сзади – аист.

Была середина апреля; тень от деревьев – еще вчера прозрачная, сквозная – сегодня ложилась на дорогу густо и слитно: так щедро весна одевала деревья молодой листвой. Многомилостивая, она не делала различий между благородным миндалем и убогим степным саксаулом, между двуногими и четвероногими, крылатыми и ползающими, – на всех равно изливала она свою благодать, признавая всех равно достойными жизни и счастья. Навстречу ей дружным ликующим хором свистели и щебетали птицы, квакали лягушки, звенели ящерицы, а муравьи, козявки, букашки и прочая земная мелочь, от природы лишенная голоса, выражала свой восторг суетливым ползанием и беготней.

Мог ли Ходжа Насреддин молчать среди такого радостного торжества? Опыяненный весенним простором, солнцем, свободой, он присоединил свой голос к общему ликующему хору.

Вот его песня:

Арык бежит – для меня,
Пчела гудит – для меня,
Цветут сады – для меня,
Потому что я человек!

Певцы поют – для меня
И в бубны бьют – для меня,
Горит душа у меня,
Потому что я человек!

Поля вокруг – для меня,
Ишак мой – друг для меня,
Зовет дорога меня,

Потому что я человек!

Увидев стадо, идущее на водопой, он спел:

Блестит вода – для меня,
Идут стада – для меня,
Года не старят меня,
Потому что я человек!

Все, что попадалось ему на пути, находило отзвук в его песне, а так как земля сотворена аллахом круглой и поэтому земные дороги, переходя одна в другую, не имеют концов, то и песня Ходжи Насреддина была бесконечной; он мог бы объехать вокруг всего света, вернуться домой с противоположной стороны, но с этой же самой песней:

Земля кругла – для меня,
Она мала для меня,
Вновь к дому вернулся я,
Потому что я человек!

Гюльджан встречает меня,
Она ругает меня,
Она ворчит на меня,
Потом целует меня,
Потому что я человек!

Тем временем проселок становился все шире, колеи – глубже; навстречу попадалось все больше арб, всадников, пешеходов.

А к полудню Ходжа Насреддин с дрогнувшим сердцем слышал впереди глухой слитный рокот, подобный гулу далекого водопада.

То гудела и рокотала большая дорога!

Узнал этот гул и встрепenuвшийся ишак и пустился навстречу ему крупной рысью. «Вперед! Вперед!» – кричал Ходжа Насреддин, колотя ишака пятками, но тот и без понуканий все время прибавлял ходу. Очки прыгали на носу Ходжи Насреддина; он сорвал их, швырнул на дорогу, – ударившись о камень, очки разлетелись стеклянными брызгами.

Через полчаса большая дорога была перед ним. Как всегда, над нею тяжелым облаком висела пыль, сквозь которую безостановочно двигались люди, лошади, быки, ишаки, верблюды: одни – в Коканд, на базар, другие – из Коканда. Все это теснилось, толкалось, ржало, мычало, ревело и вопило на разные голоса, производя оглушительный нестройный шум.

Ходжа Насреддин смело направил ишака в самую гущу; дорога подхватила его, закружила и понесла. Его толкнули справа, подпихнули слева, какой-то бык больно хлестнул его хвостом по лицу, верблюд чихнул на голову. «Берегись, берегись!» – нестерпимым голосом завопил ему в самое ухо возница, обезумевший от жары и сутолоки; Ходжа Насреддин едва успел увернуться от его плети, чтобы в следующее мгновение услышать над собою проклятия и брань дюжего караванщика, готового сокрушить все и всех на пути, лишь бы успеть со своим караваном на место к должному сроку и получить обещанную награду.

Но уже через пять минут Ходжа Насреддин вполне преодолел свое первоначальное замешательство. «Берегись, берегись!» – завопил он голосом, еще более нестерпимым, чем у того возницы, и устремился вперед. Он толкал и обгонял попутных, воевал со встречными,

ловко скользил между арбами, нырял под цепи, связывающие караванных верблюдов, отважно направлял ишака в бурные, густо пахучие волны овечьих гуртов...

Ночь провел он в придорожной чайхане, а зарю встретил уже опять в седле. Дорога в этот ранний розовый час была тиха и пустынна: караваны, арбы еще не снимались с ночевки. Ишак брел то по одной стороне дороги, то по другой, как вздумается; Ходжа Насреддин не мешал ему и не трогал поводьев, занятый своими мыслями. «Еще одна ночь в пути – и завтра я увижу Коканд! Там, на базаре, я, уж наверное, узнаю что-нибудь об этом Агабеке», – думал он, и перед его мысленным взором вставали кокандские площади, мечети, базар, ханский дворец с обнесенным высокой стеной гаремом, где томились, по слухам, двести тридцать семь жен – по одной на каждый день года, не считая постов. В свое время Ходжа Насреддин побывал в Коканде и оставил по себе долгую память; он усмехнулся, вспомнив жаркую августовскую ночь, веревку на гаремной стене, душную темноту гаремных переходов и закоулков и, наконец... Но здесь Ходжа Насреддин круто осадил коня своей памяти. «О моя драгоценная Гюльджан, избрав тебя однажды, я сохраняю тебе верность всегда и везде, даже в далеких воспоминаниях!» Восхищенный и растроганный собственным благородством, чувствуя в груди приятную расслабленность, как бы от погружения в теплую воду, он увлажненным взоромглянул вокруг – и от неожиданности чуть не вывалился из седла.

Дороги не было; под копытами ишака расстился ковер свежей росистой травы и вилась узенькая тропинка; внизу под косогором бежала сердитая горная речка, вся в пене и водоворотках, сбоку зеленела стена цветущего джидовника. А впереди, вознося за облака снеговые вершины, горбился угрюмый хребет, что час назад был вправо от дороги.

– О сын греха, о гнусная помесь шакала и ящерицы, куда ты завез меня, проклятый ишак! – воскликнул Ходжа Насреддин. – Я никогда не бывал здесь, не знаю, куда ведет эта тропинка и что за речка шумит внизу! Зачем ты свернул с большой дороги, какие преступные замыслы носишь ты в своей голове?

Первым его побуждением было – поднять плетъ и хорошенько поработать ею; но такой мирный невозмутимый покой стоял вокруг, так приветливо жужжали в джидовнике пчелы и басили толстые мохнатые шмели, так благоухал воздух запахом дикого меда, так ласково грело солнце и улыбалось высокое небо, что его рука сама собой опустилась, не коснувшись плетью спины ишака.

– Ты, может быть, узнал от какого-нибудь встречного ишака, своего приятеля, где находится это озеро? – спросил Ходжа Насреддин. – Хорошо, пусть выбор пути принадлежит тебе; ты господин, я слуга; иди, куда хочешь, – я последую за тобою.

Мог ли в эту минуту он думать, что его слова окажутся пророческими, что скоро и впрямь он будет слугой своего ишака, а тот – его знатым, взыскательным господином? Но не будем забегать вперед, памятуя слова добродетельного Музаффера Юсупа Раджаби: «Не уподобляйся в рассказе щенку, что визжит и крутится, пытаясь схватить самого себя за кончик хвоста», – и перейдем к следующей главе, в которой повествуется, как Ходжа Насреддин вступил в единоборство со своим собственным именем, и о прискорбных для него последствиях этого события.

Глава пятая

После короткого отдыха он вновь занял свое место в седле, опустил поводья и спокойно погрузился в раздумья, предоставив ишаку выбирать дорогу по собственному разумению.

Тропинка поднималась все выше, речка спряталась на дно глубокой расщелины и, невидимая, глухо ворчала оттуда; навстречу во множестве бежали мелкие стремительные арыки, для которых там и здесь были перекинuty через расщелину водяные мостики – деревянные желобы, покрытые мшистой плесенью и задумчиво ронявшие в светлую глубину под собою тонкие струйки. Вскоре тропинка углубилась в пахучие заросли мелколистственного джидовника, плюща и дикого винограда; солнечный свет, пробиваясь сквозь ветви, скользил по лицу Ходжи Насреддина горячими пятнами; так же легко, не оставляя следов, скользили и его мысли, вернее – призраки мыслей: столь мимолетны и неуловимы были они. До ближайшего селения оказалось часа полтора пути, а весеннее солнце пригревало жарко; Ходжа Насреддин снял халат и ехал в одной рубаше, поминутно вытирая платком пот с лица. Зато селение встретило его прохладой чайханы, висевшей над обрывом и со всех сторон открытой горному ветру.

Дюжий чайханщик, обрадовавшись новому гостю, кинулся раздувать огонь под кумганами, – потянуло смолистым запахом арчи, благоуханного дерева ферганских гор.

Гостей в чайхане, кроме Ходжи Насреддина, было четверо: старик с древней, изжелта-сивой бородой и такими же сивыми бровями, свисавшими на глаза, – видимо, здешний житель, земледелец; два пастуха в сырмятных мягких башмаках и в толстых войлочных обмотках, оплетенных ремнями, в грубых, войлочных же, накидках; и последний, четвертый, худой и бледный, бродячий ремесленник, сапожник или портной, с дорожным мешком, лежавшим у него под локтем. Они сидели тесным кружком, обходясь одним чайником и одной круговой чашкой, и шептались о чем-то запретном, что было ясно из их опасливых взглядов, кидаемых искоса на Ходжу Насреддина.

Не желая мешать их беседе, он повернулся спиной к ним, лицом к обрыву.

Внизу расстилалась цветущая долина: поля, сады, селения, дальше высились пологие холмы, а еще дальше – горы, за которыми лежала Индия. Утренняя дымка разошлась, и горы как будто придвинулись; Ходжа Насреддин ясно видел белые пустыни снежных полей, обрывы и ущелья, полные фиолетовых теней; ниже снегов по буро-каменистым склонам вились серебряные жилки потоков. И в лицо ему тянуло оттуда, с гор, тонким и свежим снеговым ветром.

А шепот в углу продолжался, и все горячее; Ходжа Насреддин чувствовал затылком четыре пары внимательных глаз. «Говорят обо мне, сейчас подойдут и спросят».

Так и случилось: старик поднялся, подошел к Ходже Насреддину:

– Мир тебе, путник, посетивший наше затерянное селение. Мы заметили следы желтой пыли на твоих сапогах, а здесь у нас дороги каменисты и дают только белую пыль. И мы решили, что ты человек чужеземный и приехал к нам из долины; верно ли это?

– Да, я приехал из долины, – сказал Ходжа Насреддин, протягивая старику чашку и звеня по ней ногтем в знак приглашения.

– Тогда скажи нам, о путник, – молвил старик, приняв чашку и усаживаясь напротив, – какие необыкновенные события произошли в долине за несколько последних дней? Быть может, взбунтовались ходжентские лепешечники? Или канибадамские маслоделы отказались платить подати? Или, может быть, что-нибудь стряслось в Ура-Тюбе?

– Нет, я ничего такого не слышал, – ответил Ходжа Насреддин, удивленный этими вопросами.

Старик многозначительно подмигнул своим приятелям.

– Я тоже ничего не слышал, а спросил так просто, на всякий случай, – сказал он хитрым голосом. – Мы здесь живем в глуши, люди из долины редки у нас – вот я и спросил...

– На всякий случай? – усмехнулся Ходжа Насреддин. – Знай же, почтенный старец, спрашивающий «на всякий случай», что канибадамские маслоделы исправно платят свои подати; помимо того, сообщая, тоже «на всякий случай», что город Ходжент стоит на прежнем месте и не провалился сквозь землю, что в окрестностях Намангана не появился изрыгающий пламя дракон. Может быть, ты желаешь узнать еще что-нибудь «на всякий случай»?

Старик понял насмешку, промолчал, сдвинув нависшие брови и спрятав за ними глаза: он боялся довериться неизвестному человеку, между тем невысказанный вопрос жег и мучил его.

Ходжа Насреддин решил помочь старику:

– Почтенный, внимательно посмотри на мое лицо, загляни поглубже в глаза – разве я похож на шпиона?

– Ты нырнул на самое дно моих помыслов, – ответил старик. – Я действительно колеблюсь между страхом и желанием задать тебе некий весьма удивительный и опасный вопрос. Но если бы ты знал наших добродетельных правителей, этих кровопийц... то есть этих светочей справедливости, хотел я сказать, – да сохранил аллах на радость нам их благословенные годы и укрепит бразды в их неподкупных дланях!..

– Но трудись восхвалять передо мною правителей, почтенный старец: ведь я уже сказал тебе, что я не шпион.

– Твое лицо внушает мне доверие, путник, я откроюсь перед тобою. Мы хотели спросить, – старик понизил голос до шепота, остальные, все трое, придвинулись вплотную, – мы хотели спросить, не знаешь ли ты о появлении в наших местах Ходжи Насреддина?

Все, что угодно, готовился услышать Ходжа Насреддин – только не свое имя!

Он поперхнулся чаем, закашлялся.

– Да, да, Ходжа Насреддин появился! – горячим шепотом подхватил молодой пастух. – Один погонщик овечьих гуртов видел его своими глазами на большой дороге вблизи Ходжента...

– Этот погонщик жил когда-то в Бухаре и знает Ходжу Насреддина в лицо, – добавил второй пастух, смуглый высокий горец с черной бородкой и раскаленными глазами, блестящими из-под широких сердитых бровей.

– И не только погонщик, – вставил свое замечание старик. – Ходжу Насреддина видел также один караван-баши на той же кокандской большой дороге.

А Ходжа Насреддин, внимая этим речам, думал, что излишне поторопился снять свои темные очки. Его узнали; сидя в этой маленькой чайхане, он мысленно слышал нарастающий гул кокандского, андижанского и прочих долинных базаров, взволнованных его именем. «Вот уж не ко времени шум! – размышлял он. – Надо всем этим слухам и разговорам положить конец!»

– Вы ошибаетесь, добрые люди, – обратился он к собеседникам. – Караван-баши и погонщик обознались, вот и все! Мне достоверно известно, что Ходжа Насреддин пребывает сейчас далеко от здешних мест.

– Но его видел еще и некий бродячий торговец! – с жаром возразил ремесленник, худые бледные щеки которого покрылись от волнения красными пятнами.

«Еще и торговец! – воскликнул про себя Ходжа Насреддин. – Поистине, это сам шайтан подбил меня снять очки!»

– Значит, у Ходжи Насреддина есть в Фергане какой-то двойник, – сказал он. – Повторяю, настоящий, подлинный Ходжа Насреддин никак не мог появиться на здешних дорогах.

– Почему же, о путник? На чем основана твоя уверенность? – спросил старик.

Поддал голос и чайханщик от своих кумганов:

– Если неделю назад Ходжа Насреддин и вправду путешествовал где-то далеко, то почему сегодня он не может появиться у нас? – Чайханщик подошел к беседующим, заменил пустой

чайник. – Для него нет расстояний; сумел же он однажды пройти от Герата до Самарканда в четыре дня!

– В том-то все и дело, что он уже больше не путешествует, – сказал Ходжа Насреддин. – Знайте, добрые люди: прежнего Ходжи Насреддина больше нет. Он обзавелся многочисленной семьей, купил дом и позабыл о прежних скитаниях. Его серый ишак день ото дня толстеет в своем стойле, да и сам Ходжа Насреддин изрядно растолстел от мирной сидячей жизни. Он поглупел, обленился и теперь никуда не выходит из дому без темных очков, опасаясь, как бы его не узнали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.